

Эти три дня Чжу Дачжуан не был в деревне, он уехал в другую деревню резать свиней. Если бы он был здесь, он бы позаботился о братьях Чжоу Сяюй и Чжоу Нинъюань, и Чжоу Сяюй не заболел бы так сильно и не умер бы от холода, а Чжоу Нинъюань не остался бы без помощи.

— Мужчина, что ты плачешь?! — Чжу Дачжуан поднял Чжоу Нинъюань и грубо вытер его слезы. — Твой брат в порядке? — Чжу Дачжуан, видя, как Чжоу Нинъюань плачет, догадался, что дело, скорее всего, в Чжоу Сяюй.

Этот Чжоу Сяюй, гэр, правда, не удался. Отец и мать умерли, а он не смог позаботиться о младшем брате!

— Раньше брату было плохо, но теперь все в порядке! — Чжоу Нинъюань смущенно потер глаза. В его сердце, кроме отца и старшего брата, Чжу Дачжуан был самым близким человеком. Увидев его, он сразу же почувствовал обиду и не смог сдержать слез.

— Мо Чжоу, вы зачем пришли с Сяюань? — Чжу Дачжуан, увидев, что Чжоу Нинъюань перестал плакать, поставил его на землю и похлопал по голове, прежде чем заговорить с Мо Чжоу, который вошел во двор вместе с ним.

— Я не буду говорить пустых слов, я пришел за помощью. Зерно этих двух братьев было украдено их дядей Чжоу Живодером ночью. Чжоу Сяюй из-за этого сильно заболел, а я в то время не был дома и не смог помочь. Теперь, когда Чжоу Сяюй немного поправился, он пошел к своему дяде за зерном... Чжоу Живодер, с его характером, скорее всего, съел бы Чжоу Сяюй, если бы мог... Ты знаешь, что в деревне мало кто может помочь, это дело семьи Чжоу, но эти два брата такие бедные, может, ты сможешь им помочь? Чжоу Сяюй ушел уже давно, и я не знаю, что сейчас происходит... — Мо Чжоу вытер слезу, очень беспокоясь. Но он был стариком, и у него не было сил, чтобы помочь. Чжоу Живодер не был тем, кто слушает разумные доводы.

— Брат Чжу! — Чжоу Нинъюань потянул за руку Чжу Дачжуана. Кроме брата Чжу, никто не мог помочь ему и старшему брату. Люди в деревне были неблагодарны, и Чжоу Нинъюань ненавидел их, но вспомнил слова старшего брата: все стремятся избежать неприятностей, и это нормально, но в его сердце все равно оставалась обида.

— Уже давно ушел? Тогда нужно срочно идти и проверить! — Услышав, что Чжоу Сяюй пошел к Чжоу Живодеру, Чжу Дачжуан был немного удивлен. Чжоу Сяюй всегда был плаксой, откуда у него такая смелость?

Но Мо Чжоу и Чжоу Нинъюань не стали бы врать ему, так что нужно было пойти и посмотреть.

Сказав это, Чжу Дачжуан и двое других пошли к дому Чжоу Живодера. По пути они услышали, что в доме Чжоу Живодера что-то происходит, и раздавались крики, похожие на резание свиньи.

Чжоу Нинъюань чуть не заплакал снова, боясь, что его старший брат пострадал. Сердце Мо Чжоу тоже было беспокойно, и он, видя слезы в глазах Чжоу Нинъюаня, сказал:

— Твой брат — его родной племянник, может, люди просто ошиблись!

Чжу Дачжуан молчал. Плач... Чжоу Сяюй, вероятно, плакал от страданий. Но Чжоу Живодер не посмел бы напасть на него, ведь многие видели, как Чжоу Сяюй вошел в его дом. Если бы что-то случилось, староста и старейшины клана разобрались бы с ним. В конце концов, он был гэром, а гэры ценнее простых парней!

Независимо от того, плакал ли Чжоу Сяюй сам или от обиды, это было тревожно. Когда они подошли к дому Чжоу Живодера, внутри не было слышно звуков, и это молчание только усиливало их беспокойство.

Мо Чжоу постучал в дверь.

— Чжоу Живодер, открой дверь!

Внутри Чжоу Сяюй только что накормил Чжоу Живодера таблеткой и подробно описал ее эффект, как она вызывает боль. Чжоу Живодер сейчас чувствовал, как все болит именно так, как описал Чжоу Сяюй, и в сердце проклинал его и его покойных родителей. Но вслух он только стонал, не смея сказать ни слова. Он помнил, что осталось еще три таблетки, и если он не примет их, он умрет.

Этот злобный щенок!

Чжоу Живодер и его жена теперь ненавидели Чжоу Сяюй, но ничего не могли сделать. Услышав стук в дверь, они оба улыбнулись, обменявшись взглядами. Когда войдут люди, они обязательно расскажут всем о злобных методах Чжоу Сяюя и заставят его отдать оставшиеся таблетки. Этот злобный щенок.

Теперь у них было что сказать: лицо Ли Хунхуа опухло, как у свиньи, шея Чжоу Живодера была повреждена, руки вывихнуты — все это было доказательством того, насколько злобен этот щенок. Пусть он умрет в одиночестве!

— Дядя, дядя Мо, о чем вы думаете! Слова не стоит говорить просто так! — Чжоу Сяюй, видя, как эти двое чуть не прыгают от радости, не знал, что сказать. Он уже подготовился к такому развитию событий.

— Дядя! Дядя! — Чжоу Сяюй холодно крикнул, словно Чжоу Живодер уже умер, и, подойдя к ним, указал на дверь, тихо сказав:

— Откройте дверь!

Ли Хунхуа был немного ошеломлен. Что задумал Чжоу Сяюй, чтобы он открыл дверь?

Отлично!

Как раз все увидят, как они страдают. Щенок, ты сам напросился!

Ли Хунхуа поспешил к двери, и как только он коснулся засова, услышал, как Чжоу Сяюй кричит, словно оплакивая покойника:

— Дядя! Дядя! Что с тобой? Зачем ты ссоришься с дядей Мо и даже дерешься?

Чжоу Сяюй говорил и одновременно быстро вправлял руки Чжоу Живодера, делая это настолько грубо, что тот снова закричал от боли. Руки, возможно, были вправлены неправильно.

— Дядя, осторожнее с речью! Я могу только вывихнуть руки, но не вправить их. Возможно, одна из них вправлена неправильно! — Чжоу Сяюй шепнул это на ухо Чжоу Живодеру.

Ли Хунхуа, услышав крик Чжоу Живодера, вздрогнул. Это был намек, чтобы он был осторожен с речью.

Сегодняшние страдания были слишком велики!

Ли Хунхуа был разбит, но не обернулся. Сегодня они проиграли, и у этого щенка было множество запасных планов. Сжав зубы, он открыл дверь, чтобы скорее избавиться от этого бедствия.

— Дядя, как ты? Нужен ли врач? — Чжоу Сяюй, увидев открытую дверь, сразу же сделал вид, что беспокоится, поддерживая Чжоу Живодера и проявляя заботу, чуть не плача. На самом деле он чувствовал себя отлично. Сегодняшний план сработал лучше, чем он ожидал. Он даже не подозревал, что у него есть талант к актерскому мастерству.

Чжоу Живодер чуть не скрипнул зубами от злости. Теперь он полностью понял замысел этого щенка. Вот почему он заставил Хунхуа бить себя по лицу, все было подготовлено заранее. Этот умысел был поистине зловещим.

Раньше он этого не замечал!

После того как он проглотил ядовитую таблетку, теперь все зависело от слов этого щенка. Горечь оставалась в его сердце, и он чувствовал себя униженным.

Как только дверь открылась, Чжоу Нинъюань первым ворвался внутрь. Услышав крики, он был напуган, но, увидев, что Чжоу Сяюй в порядке, успокоился и сразу же подбежал к нему.

— Старший брат, как ты?

— Сяюань, почему ты здесь? — Чжоу Сяюй сделал вид, что удивлен, увидев младшего брата в старой ватной куртке, и потрогал ее рукой. — Со мной все в порядке, это дядя и дядя Мо!

Хотя он уже придумал, как выйти из ситуации, но, глядя на беспокойное лицо младшего брата, он вдруг не захотел врать. Этот ребенок действительно заботился о нем.

— Что случилось с вами двумя? — Мо Чжоу, войдя, первым делом осмотрел Чжоу Сяюя с головы до ног, увидев, что глаза не красные, и он чист, немного успокоился. Это означало, что он не пострадал.

Но Чжоу Живодер и его жена выглядели странно.

Мужчина лежал на полу, поддерживаемый Чжоу Сяоем, а жена с лицом, опухшим, как у обезьяны. На полу лежал кухонный нож. Они что, подрались?

Ли Хунхуа открыл рот, но ничего не сказал. Он хотел сказать, что они с мужем были избиты этим щенком, но, вспомнив о ядовитой таблетке, снова замолчал.

— Все из-за меня. Эти пять мешков зерна вызвали раздор между дядей и дядей Мо. Они поссорились и подрались, даже нож пустили в ход. Я не смог их остановить... — Чжоу Сяюй всхлипнул, оставляя достаточно места для домыслов.